

Посвящается Люси

*I was the city that I never wanted to see,
I was the storm that I never wanted to be.*

GERSEY, ENDLESSNESS

1

Руби

Моя жизнь поделена на цвета.

Зеленый — важное!

Бирюзовый — школа.

Розовый — организационный комитет Макстон-холла.

Фиолетовый — семья.

Оранжевый — питание и спорт.

То, что я должна сделать сегодня: фиолетовым (сфотографировать Эмбер в новом прикиде), зеленым (купить ручки), бирюзовым (попросить у миссис Уэйкфилд учебные материалы для работы по математике). Самое приятное на свете занятие — отмечать галочкой в моем списке то, что сделано. Иногда я специально записываю задания, которые давно закончила, чтобы вечером их отметить. Для этого я использую незаметный светло-серый цвет, чтобы не чувствовать себя совсем жуликом.

Если открыть ежедневник, можно увидеть, что мои будни состоят из зеленого, бирюзового и розового цветов. Но ровно неделю назад, в начале нового учебного года, я стала использовать особую ручку:

Золотой — Оксфорд.

Первая задача, выделенная новым цветом, звучала так:

Взять у мистера Саттона рекомендательное письмо.

Я провела пальцем по блестящим буквам. Остался всего лишь год. Последний год в колледже Макстон-холл. Мне

совсем не верится, что впереди меня ждет что-то новое. Пройдет каких-то 365 дней, и я буду гордо сидеть на семинаре по политологии и слушать самых образованных в мире людей.

Во мне все кипит от волнения при мысли о том, что уже совсем скоро я пойму, исполнится ли моя самая заветная мечта. Справлюсь ли я, смогу ли учиться. *В Оксфорде.*

В моей семье еще никто не получал высшего образования, но я-то знаю: напрасно родители неохотно улыбнулись, когда я впервые объявила им, что хочу изучать филологию, политологию и экономику в Оксфорде. Мне тогда было семь.

Но и сейчас — десять лет спустя — мои намерения не изменились, а до цели уже и рукой подать. Мне по-прежнему кажется, что я сплю, ведь все зашло так далеко. Я то и дело ловлю себя на мысли, что до сих пор боюсь вдруг проснуться и осознать, что хожу в свою старую школу, а не в знаменитую Макстон-холл — самую престижную частную школу в Англии.

Я взглянула на часы, висящие в классе над массивной деревянной дверью. Еще три минуты. Задания, которые мы должны сегодня выполнить, я сделала вчера вечером, и теперь мне оставалось только ждать конца урока. Я нетерпеливо дрыгала правой ногой, за что моментально получила кулаком в бок.

— Ай. — Я зашипела и хотела ударить в ответ, но Лин была проворнее и увернулась. У нее невероятные рефлекссы. Думаю, все благодаря тому, что она еще с начальной школы брала уроки фехтования. Там ведь так и надо колоть — быстро, как кобра.

— Прекрати дергаться, — сказала она в ответ, не отрывая взгляда от своего исписанного листа. — Ты дико нервнируешь.

Это меня удивило. Лин никогда не нервничает. По крайней мере не настолько, чтобы в этом признаться или как-то

это показать. Но сейчас я и впрямь заметила в ее глазах какую-то тревогу.

— Прости, я уже не могу. — Я продолжила гладить кончиками пальцев золотые буквы. За последние два года я сделала все, чтобы держаться вровень с одноклассниками. Чтобы стать лучшей. Чтобы все увидели, что я достойна учиться в Макстон-холле. А теперь, когда начался процесс подачи документов в университеты, я просто умираю от волнения. И то что с Лин, по-видимому, творится то же самое, немного радует.

— Ну что, плакаты наконец доехали? — спросила Лин. Она покосилась на меня, и черная прядь волос упала ей на лицо. Она нетерпеливо смахнула ее со лба.

Я отрицательно покачала головой:

— Еще нет. Сегодня после обеда обязательно привезут.

— О'кей. Развесим их завтра после биологии?

Я указала на соответствующую розовую строчку в моем ежедневнике, и Лин удовлетворенно кивнула. Я опять посмотрела на часы. Еле удержалась, чтобы снова не начать дрыгать ногой.

Вместо этого принялась потихоньку раскладывать разноцветные ручки. Они все должны лежать ровно в ряд, и это занятие занимает меня на какое-то время.

Но золотую ручку я не убрала, а засунула под узкую резинку ежедневника. Я повернула ее колпачок, чтобы он смотрел вперед. Только так я чувствовала, что все правильно.

Когда звонок наконец прозвенел, Лин быстро вскочила с места. Я с удивлением взглянула на нее.

— Не смотри так, — сказала она, вешая сумку на плечо. — Ты первая начала!

Я ничего не ответила, лишь ухмыльнулась и собрала свои вещи.

Мы с Лин первыми вышли из класса. Быстрым шагом пересекли западное крыло Макстон-холла и свернули налево в коридор.

В первые недели обучения я постоянно путалась в огромном здании и не раз опаздывала на уроки. Мне было ужасно стыдно, хоть учителя и уверяли меня, что такое в Макстон-холле случается со всеми новенькими. Школа напоминала замок: пять этажей, южное, западное и восточное крыло и три отдельных корпуса, в которых проходили уроки музыки и информатики. Бесконечные повороты и ответвления, в которых легко заблудиться. А тот факт, что не каждая лестница приведет тебя на соседний этаж, некоторых мог привести в отчаяние.

Но, поплутав несколько раз по школе, теперь я знала ее как свои пять пальцев.

Я уверена, что смогла бы найти дорогу к кабинету мистера Саттона с завязанными глазами.

— Мне тоже надо было попросить мистера Саттона написать рекомендательное письмо, — проворчала Лин, пока мы шли вдоль коридора. Высокие стены справа от нас были украшены венецианскими масками — арт-проект выпускников прошлого года. Я уже как-то останавливалась, чтобы полюбоваться этими затейливыми вещами.

— Почему? — спросила я и мысленно наметила, что надо попросить убрать эти маски в надежное место, потому что в выходные мы развесим здесь афиши для вечеринки «Снова в школу».

— Мистер Саттон хорошо к нам относится с тех пор, как мы в прошлом году организовали выпускной вечер, и он знает, какие мы активные и как вкалываем. И к тому же он молодой, амбициозный, и сам не так давно закончил Оксфорд. Господи, по щекам бы себя отхлестала за то, что эта идея не пришла в голову раньше.

Я похлопала Лин по плечу.

— Миссис Марр тоже училась в Оксфорде. И вообще, мне кажется, что там выше ценится рекомендация от учителя, у которого побольше опыта, чем у мистера Саттона.

Она недоверчиво покосилась на меня.

— Ты уже жалеешь, что обратилась к нему?

Я пожала плечами. Мистер Саттон в конце прошлого учебного года случайно узнал, как сильно я мечтаю попасть в Оксфорд, и предложил спрашивать у него все, что меня интересует. И хоть его специализация отличалась от той, к которой я стремлюсь, он смог дать мне уйму полезной информации, которую я жадно впитывала и аккуратно заносила в свой ежедневник.

— Нет, — ответила я наконец. — Уверена, он знает, что надо писать в рекомендательном письме.

В конце коридора Лин нужно было сворачивать налево. Мы договорились созвониться позже и быстро попрощались. Я посмотрела на часы: 13.25, и прибавила хода. Прием у мистера Саттона назначен на половину второго, и мне совсем не хотелось опаздывать. Я понеслась вдоль высоких ренессансных окон, сквозь которые в коридор сочился золотой сентябрьский свет, и протиснулась через группу учеников, одетых, как и я, в темно-синюю школьную форму.

Никто не обращает на меня внимания. Так заведено в Макстон-холле. Хоть мы все и носим одинаковую форму — юбки в сине-зеленую клетку для девочек, бежевые брюки для мальчиков и темно-синие пиджаки для всех — невозможно не заметить, что я тут совершенно не к месту. Они все ходят в школу с дизайнерскими сумками, а мой рюкзак цвета хаки в некоторых местах прохудился настолько, что вот-вот порвется. Я делаю вид, что мне все равно, и стараюсь не замечать, что многие здесь ведут себя так, словно школа принадлежит им лишь потому, что они родились в обеспеченных семьях. Для них я невидимка, и я делаю все для того, чтобы так оно и было. *Только не привлекай к себе внимания.* До сих пор это работало.

Опустив глаза, я прошла мимо школьников и повернула направо. Третья дверь слева — кабинет мистера Саттона. Между двумя дверьми в коридоре стояла массивная деревянная скамья. Я перевела взгляд с нее на свои часы и обратно. Оставалось еще две минуты.

Будучи не в состоянии выдержать ни секунды больше, я решительно разгладила юбку, поправила жакет и проверила, на месте ли галстук. Затем подошла к двери и постучалась.

Ответа не последовало.

Вздохнув, я уселась на скамью и стала смотреть по стоконам. Возможно, он решил принести себе что-нибудь перекусить. Или пошел за чаем. Или за кофе. На это предположение меня натолкнула мысль, что утром мне не следовало переодать. Я и без того была слишком взволнована, но мама наготовила слишком много, не хотелось ее обидеть... Когда я снова посмотрела на часы, то увидела, как трясутся мои руки.

Половина второго. Минута в минуту.

Я снова оглядела коридор. Никого.

Может быть, я постучала недостаточно сильно. Или (от этой мысли у меня участился пульс) ошиблась. Вдруг наша встреча назначена не на сегодня, а на завтра. Я лихорадочно расстегнула молнию рюкзака и достала оттуда ежедневник: все верно.

С некоторым недоумением я закрыла рюкзак. Обычно я не такая рассеянная, но мысль, что при подаче заявления что-то пойдет не так и из-за этого я не поступлю в Оксфорд, сводила с ума.

Я заставила себя успокоиться, затем решительно встала, подошла к двери и снова постучала.

На этот раз я услышала шум. По звуку было похоже, будто что-то упало на пол. Я аккуратно открыла дверь и заглянула в комнату.

Сердце у меня остановилось.

Я правильно услышала.

Мистер Саттон был на месте.

Но... он был не один.

На письменном столе сидела девушка и страстно целовала мистера Саттона. Он стоял у нее между ног, прижимая к себе ее бедра. В следующей миг он схватил незнакомку

крепче и притянул ближе, на край стола. Она тихо застонала, когда их губы снова слились, и зарылась руками в его темные волосы. Я не могла понять, где заканчивается один из них и начинается другой.

Я очень хотела отвести взгляд. Но не получилось. Не получилось, когда он залез руками ей под юбку. Не получилось, когда я услышала его тяжелое дыхание и когда она застонала: «Боже, Грэхем».

Когда я наконец опомнилась от шока, то не могла вспомнить, как передвигать ногами. Я споткнулась о дверной порог, и дверь распахнулась и ударилась об стену. Мистер Саттон и девушка отпрыгнули друг от друга. Он резко обернулся и увидел меня испуганную. Я открыла рот, чтобы быстро извиниться, но единственным, что смогла выдать, был сухой кашель.

— Руби, — ахнул мистер Саттон. Волосы у него были растрепаны, верхние пуговицы на рубашке расстегнуты, лицо красное. Он показался мне таким чужим, совсем не похожим на моего учителя.

Я почувствовала, как краснеют щеки.

— Я... простите. Я думала, мы договорились...

Тут девушка повернулась, и фраза застряла у меня в горле. Я раскрыла рот, и леденящий холод пронзил мое тело. Я уставилась на нее. В ее бирюзовых глазах читалось не меньшее удивление. Она резко отвернулась, потом посмотрела на свои дорогие туфли на шпильке, скользнула взглядом по полу и наконец беспомощно остановилась на мистере Саттоне — *Грэхеме*, как она только что называла его и стояла.

Я знала девушку. Особенно ее золотистый, идеально завитой хвост, постоянно болтающийся передо мной на уроках истории.

На уроках *мистера Саттона*.

Школьница, которую только что тискал мой учитель, была Лидия Бофорт.